

Максим Миранский

«Голландия: удвоенная
страна»

Гаага, Делфт, Лейден,
Москва,
19 августа 2012 года.

«Голландия: удвоенная страна»

Надежде Толоконниковой, Екатерине Самуцевич и Марии Алёхиной,
за бесстрашие, улыбки и глаза.

Эпиграф 1: «Бог создал землю, а Голландию создали голландцы».

Голландская пословица

Эпиграф 2: «Я никак не могу согласиться с тем, чтобы правители управляли и сознанием своих граждан и решали за них, во что им верить или не верить».

Вильгельм I Оранский Нассау, в обращении к Государственному Совету во время дебатов о религиозной терпимости, 1564 год

Эпиграф 3: «Зато наша ещё ездит».

Королева Беатрикс I Оранская – Нассау, в ответ на ремарку куратора российской выставки «Екатерина Великая» (Амстердам, 1996 год), что карета Екатерины I на 200 лет старше голландской королевской кареты.

Эпиграф 4: «Пока вы будете слышать лай собак и мяуканье кошек в этих стенах, знайте, что город держится. А когда все, кроме нас самих, погибнут, будьте уверены, что каждый из нас съест свою левую руку, сохраняя правую, чтобы защищать наших женщин, нашу свободу и нашу религию против иностранного террора».

Записка жителей Лейдена во время испанской осады 1574 года в ответ на предложение сдать город.

Общие соображения

Побывав 2 года назад в сердце Империи Габсбургов – в Вене – я решил проведать и самые знаменитые из их мятежных территорий – конечно же, Голландию. Помимо исторического, большую роль сыграли и два психологических мотива. Первый. Истинные христианские стоики, голландцы уже тысячелетие ведут неравную, казалось бы, борьбу с морем, со стихией, которую они оседлали дважды – как жители низменностей и как мореходы. Они сделали то, чего, в принципе, могли бы вообще не делать; но они сделали потому, что не могли иначе. Вот вам и «бытие определяет сознание».

Море – конечно, вызов, но не для каждого.

Голландцы – не Любомудры: они не столько рассуждают о жизни, сколько просто умеют жить. В этом суть христианского стоицизма: цель жизни совпадает с ней самой, и ты проявляешь стойкость и мужество не потому только, что понуждаем к этому (хотя и данный фактор играет роль), но более всего потому, что этим ты как бы рождаешься заново, уже не биологически, а в духе. Человек удваивается.

Фактически, голландцы удвоили и свою страну от её размеров 15-го века, хотя первая дамба, неподалёку от нынешнего Амстердама («дамба на реке Амстель»), была построена ещё в 1222 году, а первые польдеры – осушенные и возделанные низменности – появляются не позднее 11-го века! (Хотя, как считать: фризы начали возводить первые терпы – глинистые холмы – ещё... в 8 веке ДО нашей эры.) К настоящему моменту насчитывается уже порядка 3.000 польдеров, бывших болот. Более того, это сельскохозяйственные земли постоянного использования, возобновляемые угодья. Общая протяжённость дамб – 3.000 км. Кроме дамб и линия дюн защищает польдеры от наводнений, но иногда море побеждает, прорывая дюны. Результаты бывают разными: отрицательными (наводнения; последнее в 2005 году, последнее разрушительное – в 1953 году) и позитивными (намываются ватты – песчаные отмели: в частности, именно так в 12 веке отделяются Фризские острова).

Что это? Вечные борения с Неизбежным? Думаю, голландская система рвов, дамб и польдеров – по масштабам сделанного – один из редчайших примеров невероятного мужества и веры в истории Земли: по-соседски подмигивая смерти, голландцы не уступают ей ни пяди, как в буквальном, так и в метафорическом смысле.

Потеряв в 1953 году 1.835 человек погибшими, двор и правительство предприняли 3 года спустя нечто грандиозное – план «Дельта» (“Deltawerken”) – реорганизацию береговой линии и системы дамб. Через 30 лет, в 1986 году, строительство было завершено на сумме в 13.000.000.000 гульденов (с нулями я не ошибся). Хотя проект дополнялся и продолжался с перерывами вплоть до 1997 года. «Дельта» как бы увенчала собой беспримерный подвиг голландцев по отвоеванию земли у Северного Моря. Однако и до сих пор рассматриваются новые проекты (в частности, по осушению ваттов близ Фризских островов).

Но, как мы видели, удвоенной Голландия стала не только географически. В противостоянии с морем сказался другой важный мотив христианского стоицизма – самоотречение. Парадокс: чтобы удвоиться, читай – возродиться в духе, заново родиться – необходимо вначале отринуть себя, свои слабости и привычки, комплексы и стереотипы, поставить себя на грань бытия. Как это делали голландские крестьяне, продолжая жить и работать ниже уровня моря, или голландские моряки, выходя в это самое море (в 16-м -17-м веках совсем ещё неизведанное море), играя ежедневно и еженощно со смертью, и те, и другие. Таково неравнодушие самоотрицающего человека; эгоцентрику нечего менять: он себе уже всё объяснил.

Такие качества выковывают совершенно определённый характер. Помню, как в Лейдене я попал под ужасающий дождь. Перебегая из хофье в хофье (живописнейшие средневековые подворья), я добрался до старых городских ворот, под которыми от дождя скрывались туристы и голландцы на своих вечных и верных велосипедах. Дождь дождём, но когда уровень воды в каналах и на пруду стал повышаться... заметным для глаза образом, холодок побежал у меня по спине, а иностранцы начали переглядываться друг с другом, и только невозмутимость на лицах лейденцев и в поведении пасущегося рядом симпатичного упитанного гуся заставила нас взять себя в руки. Гусь и лейденцы смотрели на нас с этакой бравурностью бывалых жителей и со смешинкой: эх вы, мол, пораженцы; мы-то и не такое видали. (Лейден был когда-то, действительно, довольно уязвим: в 1960-е многие каналы пришлось попросту засыпать из-за постоянных угроз затопления.)

Но храбрым может быть только свободный человек. И потому вторым моим психологическим мотивом (отправиться в эту страну) был голландский либерализм. Когда мне, советскому школьнику,

восторженно рассказывали на уроках истории о первой в Европе и мире буржуазной революции (голландской), спеша в рамках классовой теории тут же провести ниточку к французской революции и нашей, при всей чудовищной некорректности этих сравнений, упускали самое главное. И религиозный фактор, едва ли не ключевой: даже Гентское Умиротворение 1576 года – когда католики и кальвинисты временно объединились для борьбы с Испанией – не закрыло глубинного водораздела. И фактор личного героизма: фигура Вильгельма Оранского Молчаливого, основателя независимой династии, покровителя революционных гёзов и народных бунтарей, колоссальна и требует укрупнённой оптики. У голландской революции, как и в целом у 80-летней войны с Испанией за независимость (1568-1648), было немало лидеров, немало их было и при жизни Вильгельма (Граф ван Эгмонт, Граф ван Горн, др.), но снискать такую любовь и стяжать такую славу смог только он. Прозорливость и интуиция Вильгельма не знали равных: он дважды сумел уйти в тень так же вовремя и без неоправданных потерь, как сумел понять, вопреки всем внешним признакам к обратному, что отпадение католического юга (1579) только сыграет на судьбу северян. При дворе Карла V (до 1555) он молчал (отсюда – Молчаливый, Молчун, Zwijger) и сносил унижения в адрес голландцев, только чтобы получить должность наместника и живым вернуться в провинции, где возглавить восстание. И он отказался сотрудничать с Филиппом II и Герцогом Альбой, провидя их истинные намерения, избежал казни и бежал в германские свои владения (1567), где собрал наёмное войско (1570). Оправдалась и его вера в северян, тогда совсем ещё слабых. Купцы-южане, как до того евреи и пиетисты, хлынули на север, и уже к началу 17-го века провинции поменялись местами: зажиточный некогда юг стал деградировать под клерикальной властью, а отсталый некогда север, теперь либеральный и полный жизни, превратился в богатую страну мореплавателей, негоциантов и ремесленников. Вильгельм отлично понимал, где телега, где лошадь – потому и начал с религиозных свобод (1564-66). Принятия Эдикта о веротерпимости (1578) Вильгельм добивался 14 лет! Это был человек, изумительно сочетавший величие национального лидера, прагматику искусного дипломата и трогательность неофита. Его надгробный памятник в Новой Церкви Делфта с лежащей у ног собакой – при всей барочности – зачаровывает своей интимностью. Его собака – в

отличие от памятников такого рода – не просто символ (верности). Она умерла, так как стала отказываться от еды, вскоре после того, как 10 июля 1584 года католический агент и... бывший солдат северян Бальтазар Жерар злодейски убил Вильгельма по открытому приказу Филиппа II в замке-монастыре Принсенхоф (Делфт). Следы от пуль в роковом 8-м зале монастыря не были заделаны: в наши дни их можно разглядеть под стеклянными колпаками на стенах. (По другой версии, фанатик заколол Принца ножом, а стреляла уже в самого убийцу стража Вильгельма.)

Избранный статхаудером в год Варфоломеевской Ночи (1572), он и сам проделал немалую личную эволюцию в такт своей стране – и вместе с ней. Только человек с личностным стержнем мог пройти этот путь: от мадридского пажа Карла V Габсбурга до злейшего врага и Габсбургов, и Рима, первого правителя независимых Нидерландов; от осторожного аристократа и формального католика до «народного Принца» и убеждённого кальвиниста.

Голландские графы с 11 века опирались преимущественно на городские вольности и не знали централизованной власти, сохраняя лишь формальную вассальную зависимость то от германских, то от французских королей. Мануфактуры, море и торговля, а не властные вертикали, скрепляли их. У революции были мощные, от Средневековья идущие, предпосылки.

Не пройдёт и полувека, как Закон о веротерпимости скажется уже... и на мировой истории. В Лейдене было место, где я встал, как вкопанный. Из того, что я прочёл и увидел, следовало – при всей ошеломительности – одно: если б не лейденские вольности..., Америка была бы другой, а может, её и вовсе, не дай Бог, не было бы. Спасаясь от преследований Якова I Стюарта, отцы-пилигримы, да-да, те самые будущие основатели и зачинатели Америки, творцы её религии, её свобод, нашли себе убежище в кальвинистском Лейдене (1608 год). И только в 1620 знаменитая на весь мир, но тогда известная лишь избранным шхуна «Майский цветок» отчалила к берегам нового массачусетского рая. Увы, далеко не все из пуританских пасторов дожили до этого и иных путешествий, и останки несчастных (более 30 пилигримов и родственников) упокоились в Церкви Святого Петра (с. 1460), где пуритане любили молиться. А в церкви Хугландсе Кёрк ныне расположен музей их памяти. В хофье напротив жил сам преподобный отец Джон Робинсон

(до 4 марта 1625, когда упокоился). Улочки меж церквями и хофье наполнены каким-то дивным и трепетным покоем.

Когда с 1960-х годов голландцы начали либерализовывать свои порядки и нравы (узаконили проституцию, лёгкие наркотики, в 2002 – эвтаназию), им пророчили демографический спад и национальную деградацию хуже содомской и позднееримской. По итогам мы наблюдаем нечто совершенно иное. Динамичное, здоровое, свободное, открытое, преуспевающее, зажиточное общество. Конструктивно было бы поразмышлять над психологическими мотивами голландцев. В сущности, они ведь свободу поставили выше даже риска потери... самих себя. Качество жизни важнее её количества. Свобода важнее здоровья и порядка. При всей буржуазности голландцев, задумаемся над тем, что идеалы эти, мягко говоря..., совершенно не обывательские. В этом принципиальное отличие индифферентного обывателя от бюргера (гражданина). И не потому ли у них интеллигенция – не просто прослойка, а интеллигентность... – разлита по всему обществу?

Море

Море в Голландии – Северное Море – море викингов и ганзейских купцов (10-ки городов Голландии входили в Ганзу!) – я видел только со стороны Гааги (знаменитый пляж Схевенинген). Если идти, а не ехать на трамвайчике, к нему из центра, то, миновав великолепный Дворец Вредес, престижный район Посольств и посольских дач, утопающих в садах и внутригородском лесе, вы выходите к морю не сразу, а через череду параллельных ему улиц с богатыми частными особняками. Тёмно-жёлто-серое, оно лишь на первый взгляд производит холодное и недружелюбное впечатление. Стоит всмотреться, как оно меняется. Это скорее напряжённое море, море требовательное, но не грозное, и уж тем более – не угрожающее. Как такового порта в Гааге и нет: Схевенинген – это, по сути, пляж (симпатичный и популярный), оборудованный, однако, старым и новыми маяками, дамбой и мокрым доком для яхт и лодок. На горизонте виднелись огромные «красавцы» – океанические суда, все идущие гуськом на юг – понятно – в Роттердам, ближайший ультрасовременный порт, способный принимать суда такого тоннажа. Кстати, Роттердам до сих пор – крупнейший порт мира (sic!): он больше даже лондонского, сиднейского или токийского.

Из того, что я писал в начале, могло показаться, что голландцы воспринимают море как вечную угрозу, но из того, как облюбован Схевенинген, вы понимаете, что это не так: голландцы скорее сжились, съютились (тургеневское словечко) с морем. Ведь море безальтернативно, и только от твоего внутреннего мира зависит, КАК ты его воспримешь.

Помню, как в центре Гааги, в дизайнерском магазине посуды на улице Ноордеинде, девушка-продавщица решила подшутить над четой пожилых американцев, в ответ на их вопрос, как же им добраться до Лейдена (на самом деле, 15 минут на поезде). «Автобус, Вы говорите автобус? Помилуйте, у нас о таком и не слышали. В других странах – да, может быть, не знаю..., но здесь – нет. Только на лодке! Да-да, на лодке, Вы должны нанять лодку – и так по каналам Вы непременно попадёте в Лейден: но, вероятно, Вам придётся управлять ею самим: лодочники не всегда свободны...» И только сдавленный, но постепенно переходящий в истерический, смех другой девушки-продавщицы заставил американцев расслабиться и от души посмеяться.

Пространство и вменённая биомеханика

Когда ходишь по улицам, где, не будь голландцев, могло бы быть море, ощущения рождаются, конечно, непередаваемые, но одновременно у вас меняется и вся ваша биомеханика. Точнее, если она не изменится, вы непременно с кем-нибудь столкнётесь – и, скорее всего, это будет задумчивый или радостно поющий велосипедист. Голландия – страна победившего велосипеда. Культ велосипеда, возведённый в ранг 2-ой религии, распадается, извините, на 2 аспекта: этический и эстетический. Этика в том, что, идя по голландской улице, пускай пустынной, вы понимаете: вы никогда не один. Если улица узкая (большинство), полоса для автомобиля совпадает с полосой для велосипеда, и вам приходится развивать чувство спины, если поневоле вы выходите на эту полосу, уступая иным прохожим или выставленным на улицу столикам кафе. Кроме того, сигналы светофоров на велосипедистов отнюдь не распространяются: по правилам, они координируют свои перемещения сами. А если даже улица широкая (меньшинство улиц, 18-20 вв.), она 5-типолосная: 2 полосы для пешеходов, 2 для велосипедистов и 1 для автомобилей, причём с непривычки вы постоянно путаете свою полосу с велосипедной, а потому, опять-

таки, вам приходится менять свою биомеханику, ощущение пространства, вплоть до размаха рук, ширины шага...

Эстетика же в том, как голландцы пестуют своего железного друга. И хотя не менее ухоженными выглядят и автомобили, а в Голландии, например, целый культ old-timers, владельцев коих полностью освобождают от налогов на сервис и бензин, велосипеды вне конкуренции. Старые и новые, маленькие и большие, потрёпанные и ухоженные, моторные и педальные, все они очаровательны, так как для их владельцев нет ничего пренебрежимо малого. Хоть как-нибудь, да украсят голландцы своего друга: или цепочка будет в цветном чехольчике, или сидение будет под цвет коровки, или передняя и задняя корзинки будут настолько элегантны, что стоящие в них цветы или сумки или сидящие в них кошки или собачки выглядят целостным натюрмортом.

Голландия исключительно удобна для путешествий. Карта, которую я купил, со всеми видами сообщений, от путей морских и речных и до велосипедных дорог, просто поражает их плотностью. Но особенно захватывает красота и организованность жёлто-синих двухъярусных поездов и железных дорог.

Время

Голландский кальвинизм, подобно швейцарскому, проник в самые поры голландской жизни. И в этом смысле наиболее показательны даже не пуританские нравы отдельных деревень и маленьких городков (вот уж где анафематствуют Амстердам с его либеральными эксцессами!), а диффузия протестантской культуры в светскую. Как везде на Западе, в Голландии церковь жёстко отделена от правительства, но, несмотря на это – а, скорее всего, благодаря этому – приватная религиозность не входит в противоречие с незримым присутствием оной и во всём остальном. Возьмите время, чувство времени, управление временем, если угодно. Чем сегодня, в 21-м веке, оно структурируется для голландца? Голым прагматическим бизнесом и одними удовольствиями? Да ничуть. Мотивами вполне кальвинистскими (недоверием к ночи, церковными службами, культом труда и семьи): офисы и конторы начинают работать в 8-9 часов утра; некоторые магазины и кафе в 10 (считается – поздно); работают почти все до 5 вечера; до 5 города вымирают, и по улицам бродят почти только туристы. В 9 вечера происходит второе вымирание (лишь очень немногие магазины

закрываются в 8, в основном – в 5 или 6), и после этого времени в кафе сидят, как кажется, только чинные американские пенсионеры и восторженные японские девочки. Отдельные пивные студенческого вида работают и шумят допоздна, но они точно в меньшинстве. В Гааге я заметил только 2 (!) круглосуточные точки, причём одна из них оказалась кофешопом, да-да, тем самым, а вторая – винным погребком сомнительной наружности.

В выходные дни всё чуть смещается, но лишь чуть, а в воскресенье новое удивление – до 12 на улицах никого за исключением туристов, церкви полны (как католические, так и евангелические и кальвинистские), все магазины и офисы, кроме кафе, открываются только в 12, строго после служб. Это в 21-то веке, в центре секулярной, нам говорят, Европы...

Люди и язык

Не удивить голландское двуязычие – а иногда и трёхязычие – может разве что человека, бывавшего там не раз. Удивляешься собственной наглости, обращаясь по-английски к таксисту, продавцу, водителю трамвая или уборщице с той же уверенностью в успехе, с какой к банковскому клерку или гостиничному менеджеру. И если в германоязычной стране Вы столкнётесь-таки, рано или поздно, с неанглоговорящим человеком, то в Голландии, как представляется, по-английски не понимают только чайки.

Мне повезло с таксистами. Оба попались исключительно говорливые. Таксист, встречавший меня в аэропорту Схипхол, выглядел как профессор и говорил как профессор (разумеется, по-английски), но было не удобно спросить, чем вызваны столь загадочные зигзаги судьбы, тем более что его пунктиком оказалась... голландская история 16-17 веков. Второй таксист, на обратном пути, был помешан... на политике и психологии, при этом он оказался... натурализованным сирийцем. «А зачем мне здесь голландский? Я его так и не выучил толком» – радостно доложил он.

Когда звучит голландская фраза, на улице ли, в телевизионной ли программе, её начало звучит как английский язык, и приходится вслушиваться, дабы удостовериться в обратном; тому виной лексика и частично грамматика. А вот конец фразы звучит по-немецки; не в последнюю очередь потому, что, как и в немецком, корни слипаются (с образованием слов-многоножек), а глаголы смещаются в конец предложения (одна языковая группа; да и взаимовлияние 3-ёх языков

было огромным, особенно с 15-го века). Сейчас это может показаться странным, но в 19-ке, пойдя петровские реформы более последовательно, не оборвись они после Павла, и сегодняшний русский язык был бы по звукописи и структуре куда ближе помянутой «тройке». Достаточно взять в руки почти любой русский текст 18-го века, будь то художественный или официальный, дабы и на уровне лексики, и на уровне глагольной грамматики легко убедиться в этом. Особенно впечатляет, конечно же, голландская "h". Ларингальная (участвуют горло и твёрдое нёбо), она кажется непреодолимым барьером для любого новичка – и для многих таковым остаётся. На Земле мало языков, где наблюдалось бы нечто сопоставимое (украинский, хинди). В результате – неповторимый звуковой шарм.

Люди и красота

Конечно, время и пространство ничто без людей: человек – главное, что они вмещают. И человек, обратно, их по-своему красит, украшает, вымеряет, объёмлет. И в этом смысле каждый – дизайнер (своей судьбы). (Хм, это могло бы стать голландской поговоркой.) А голландцы совершенно помешаны на дизайне, на украшательстве бытия. Протестанты по преимуществу, они всегда помнят о функциональности, но она никогда не заменяет им главного – умения жить красиво – и в красоте (сравните французское: savoir-vivre и art de vivre). Абсолютно бесцельный, но отражающий душевную потребность, эстетизм играет для современного человека ту же роль, какую мистика играла для человека средневекового. Тем более что история голландского искусства, как, быть может, никакая иная, связывает для нас и то, и другое.

Средневековая голландская живопись, как, впрочем, и барочная, будь то католическая или протестантская, были, как известно, пронизаны символизмом. Всё что-то выражало, всё было глубоко не случайным и несло какие-то потаённые смыслы (универсальные и/или индивидуальные), а потому всё находило своё зашифрованное место и значение в голландской живописи 15–17 веков.

Так и в дизайне символизация быта отменяет банальность. Интегрируя знак, смысл и явление, символ помогает понять саму природу реального, что реальность ни к чему не сводима и никогда не доступна полностью.

Ничто не изображалось Босхом или Брейгелем-старшим просто так, для заполнения композиционных пустот, а потому вовлечённость

зрителя предполагалась изначально. Наблюдатель картины становился её участником. Мистическая школа Нового благочестия (Devotio moderna) стремилась показать гармонию, красоту, голографию мира: через часть вы прозревали целое, а потому грани между ними стирались. С изображения акцент смещался на смыслы, а самая подробность, детальность, почти болезненная прорисовка картины отражали не фотографическую точность, не примитивный «реализм», а... благоговейный трепет перед миром. Виденье заступало видению. Самый мир, бытие было ценностью, вне ходульных моральных суждений, мир как очевидная безальтернативная данность, а потому борьба со злом и ответственность за её исход полностью переносились во внутренний мир человека. Мир изначально хорош; проблема только в нашем восприятии.

Парадокс в том, что такие кальвинистские запреты, как запрет на скульптуру в храмах и религиозную живопись, также вымостили дорогу голландской школе дизайна: отдавая предпочтения натюрморту, пейзажу и портрету, Рембрандт или Вермеер не столько передавали обыденность, сколько открывали в ней новые измерения. Не так же воспевают и утверждает бытие и дизайн? Декорируя жизнь, делая рутину приятной и уютной (для глаза, носа, уха и ладони), то есть, по сути, отменяя её, дизайн отсылает нас к воспитанию чувств. С дизайном каждодневная будничность превращается в метафизику: мы уже смотрим ЗА предмет, а не просто НА него.

И тогда ВСЁ ЭТО реально, а не только буквально явленное.

В той же Гааге вы видите магазины авторского дизайна, что называется, на каждом углу. Ничто не остаётся не охваченным: воистину КАК становится важнее, чем ЧТО. Домашняя и дачная утварь, школьный и рабочий быт; светильники и ручки, фартуки и тарелочки, всё преобразуемо и преобразуется.

Животные, цветы, парки и звуки

Я с лёгкостью могу представить себе человека, который живёт так, словно он враг сам себе, но никогда не смогу представить таковым животное. Зверушки и птицы – надёжный индикатор нашего благополучия, буде они тянутся к нам. И вот Голландия в высшей степени облюбована их свободными и красивыми представителями.

На первом месте – чайки. Мощные и озорные, величавые и любопытные, они – первые жители Гааги, до велосипедистов и

кошек. Чайки просыпаются в 5 утра, а засыпают в 11 вечера, и потому их бесконечно разнообразные, но всегда бесподобные крики сопровождают вас повсюду. То по-детски тёплые, то стальные, то полные очаровательных мелизмов, то переходящие в стаккато, то пронзительные, то приглушённые, крики сливаются с колокольными звонами многочисленных церквей: в церквях бьют в колокола каждые 15 минут, то вручную, то механически. На выходные дни к этому контрапункту добавляется нежнейший карильон (перезвоны связанных друг с другом маленьких колокольчиков).

Не менее говорливы и чудесные лысухи с контрастирующей окраской белого клюва и лба на чёрном оперении. Вообще говоря, даже для портового города количество птиц в Гааге – и количество видов птиц – впечатляет. Впечатляет, но не удивляет (на ваттах Западно-Фризских Островов гнездятся 306 видов птиц сезонным количеством 4 миллиона!). Несколько видов чаек и голубей, вороны и вороны (это 2 разных биологических вида!), галки и колпицы, гуси и лебеди, кулики-сороки, не считая мелких птиц – все они облюбовали Гаагу от пляжа до центра и Гаагского леса, но главной сходкой остаётся рыцарский замок в сердце Гааги – Бинненхоф (1280). В разгар дня на замковом озере Хофвивер развёртывается подлинный водно-воздушный балет из всех указанных участников.

Но никто не достигает статуса столь же сакрального, как великие голландские кормилицы – коровы. Ты видишь их всюду, стоит только на считанные метры покинуть любой город. Сказать, что у голландской коровы довольный вид – ничего не сказать. Пастбища и фермерские хозяйства исключительно ухоженные, и, что поразительно, коровы бродят свободно: я ни разу не заметил пастухов (видимо, где-то прячутся, подобно голландским полицейским). Отсюда сногшибательность голландской молочной промышленности, и молоко, сыры и йогурты соперничают друг с другом, безусловно, не в качестве, а в количестве (разновидностей).

Когда я на трамвае добирался из Делфта обратно в Гаагу, группка итальянских студентов привлекла внимание всех остальных пассажиров, заметив в окне зайца у небольшого кустарника...: через мгновение к нему присоединились куропатка и лисёнок! Но я быстро взял себя в руки – эх вы, вы не видели того, чего видел я на первом пути в тот же Делфт: корову, сидящую по-кошачьи! Это ж как надо радоваться жизни, чтобы сесть на пятую точку, подогнуть ноги с

копытцами так же, как лапы подгибает кошка, и медитативно раскачиваться головой?

Голландия, действительно, очень зелёная страна, и её парки и ботанические сады радуют глаз на расстоянии и обнимают и окутывают вас какой-то пеленой очарования, зайдя вы внутрь. Особенность в том, что традиционные лесные деревья – липы, сосны, тополя и ели – неожиданно с цветочными и садовыми культурами соседствовать могут. Яблони, сливы и каштаны вперемешку с елями и с «подлеском» из роз и гиацинтов – нормальная картина. Голландский лес – явление столь же благоприобретённое, как (наполовину) и голландская земля, и хотя самих лесов – дюнных насаждений – лишь 8% территории, в стране 20 (!) национальных парков, «зелёный лесопарковый треугольник» Утрехт – Зволле – Арнем, и даже Роттердам не превращается в «каменный мешок».

Тюльпанные хозяйства раскинулись вдоль берега от Харлема до Гааги, и дают в год 2.000.000.000 луковиц, из коих 800.000.000 ежегодно экспортируются в 80 стран мира. У истоков стоял великий лейденский ботаник Карл Ключиз: в 1592 году он начал с нескольких луковиц, привезённых из Турции (этимология тюльпана – «тюрбан»).

Запахи

У Гааги, как у любого колоритного, обжитого города, свой запах – неповторимый, и он преследует меня до сих пор. Самая стойкая нотка в нём – запах благородной, свежей рыбы – лосося и харинга. В него вплетаются, когда дополнительно, а когда и контрапунктом, нотки сыра, пряностей (тому виной процветающие в Гааге индонезийские рестораны – наследие бывшей колонии), запахи блинов (излюбленное голландское кушанье), свежей краски и, конечно же, моря. Словом, это стойкий солоноватый и чуть пряный запах невероятной свежести, но свежести не эфемерной, а какой-то долгой, надёжной.

Цвета

У Гааги своя тончайшая цветовая гамма, во многом характерная и для Голландии в целом. Салатовый (одежда, украшения кафе), голубой (то же и магазины) и оранжевый (королевский цвет) запоминаются особо. А древесный (лодки) и красный (двери, дверцы, ставенки) как бы окаймляют их. Цветы же, и дикие, и те, что живут в магазинах да в кадках, нередко вторят этой гамме. Но иногда и выбиваются из

неё очаровательным диссонансом. Свет рассеивается и преломляется на низких облаках, а потому переменчивость погоды, столь характерная для Голландии, открывает наблюдателю цвета во всех возможных оттенках.

Уровень жизни

Одно из сильнейших впечатлений от Гааги – это, конечно, открытость голландцев. И выражается она не только в приветливости и дружелюбности к чужакам и в фактическом двуязычии, но и в том, как голландцы живут. Зажиточные районы к северу от центра – дома вдоль улиц, параллельных и перпендикулярных линии моря – не просто дышат благополучием, но и мистифицируют вас... огромными окнами 1-ых этажей и полным отсутствием заборов и решёток. Идя по улице, вы даже не сразу понимаете, что, собственно, вы видите – частные магазины на 1-х этажах 3-ёхэтажных домиков (тем более что иногда – так и есть; эта модель живёт в Европе с 15-го века) или просто первые жилые этажи. Но чуть позднее резвящиеся дети и люди, смотрящие телевизор из постелей, убеждают вас окончательно и бесповоротно. Это, братья и сёстры, квартирный быт. И не олигархов, а врачей, бухгалтеров, адвокатов и учёных. Просторные и светлые, наполненные тарелочками, фигурками и игрушками, утопающие в садах, но едва прикрытые шторами, с табличками владельцев на почтовых ящиках, первые этажи словно говорят вам: здравствуйте, я такой-то, живу-работаю, много света, много воздуха и радости. Как-то всё на доверии, и перед детьми не стыдно. И стоит только опустить жалюзи на окнах, как пропорция между «privacy» и открытостью (когда нечего бояться и скрывать) восстанавливается тотчас. Обустроенные души.

Родина Иеронимуса Босха (голландцы произносят – Иерун ван Акен-Бош), Спинозы, Виллема Баренца, Хендрика Антона Лоренца, Одри Хепбёрн, Ван Гога и клана Рузвельтов, Голландия, подобно другим великим морским державам – Норвегии и Британии – стяжала себе славу отнюдь не только на родных отмелях и дюнах, но и по всему свету. И далеко не только в какой-то одной сфере, а почти повсюду. В чём секрет такой глобальности? Вероятно, в том, что, оставались ли эти люди (и десятки других великих!) на всю жизнь в Голландии, много ли путешествовали или вовсе творили вне родины, они верили в живительную связь: если ты ко всему равнодушен, то что бы ты не делал, ты и в малом прозреешь великое.